

Рисую — значит, мыслю

Мемориальная выставка художника Гарифа Басырова в Третьяковской галерее

Дмитрий СМОЛЕВ

Он родился в АЛЖИРе — печально знаменитом Акмолинском лагере жен изменников Родины. Этим фактом дальнейшую биографию можно объяснять в символическом смысле, однако все проще, как кажется: Басыров никогда про свою «малую родину» не забывал. Тем самым задан был знаменатель его дроби, а числитель добывался отдельно. Он закончил художественный факультет ВГИКа, но в кино так никогда и не работал. Почему выбрал занятием на всю жизнь именно графику, объяснял немудрено — дескать, само собой получилось. Возможно, дело во врожденном индивидуализме: при всей коммуникабельности Гарика, как называли его друзья, трудно представить работающим в тесном коллективе над общей задачей. Келейное рисование позволяло сосредоточиться не столько на технике исполнения, хотя она увлекала художника до крайности, сколько на связи образа с подлинным сознанием. У него всегда доставало гротеска и иронии, но никому в голову не приходило именовать его карикатуристом. Работы Басырова эпохальных и мистичны — во всяком случае, знаменитые серии 80-х годов.

Глядя из сегодняшнего дня на рисунки Гарифа Басырова, поражаешься его интуиции: там же вопиет грядущая «тяжесть реформ» — со всеми путями, дефолтами, криминальными войнами и массовыми отравлениями спиртом «Рояль». Ведь у абсурдных басыровских персонажей, парящих в воздухе или тяжело припадающих к земле-матушке, есть одно общее свойство — назовем его призрачной фундаментальностью, что ли. Как бесплотное привидение сотнями лет бродит по замку, игнорируя всяческие реконструкции, так и неупокоенный дух «хомо советикус» долго еще будет витать на всех этажах российского общества. Прежде казалось, что художник создал лишь развернутую эпитафию развитию социализму, теперь понятно, что это еще и долгосрочный диагноз.

Надо сказать, Басыров и себя причислял к племени «совков», несмотря на стилистическую юность и глубокий интеллектуализм зрелого творчества. Наверняка не кокетничал, а смотрел в корень. Отсюда и тайна. Одно дело, когда изображаешь

«Букет». Из серии «Горожане за городом». 1986 г.

посторонних кретинов, ставя их в смешные ситуации, и совсем другое, если самого себя видишь в качестве прототипа. Будто это ты в габардиновом пальто и шапке-ушанке вместе с себе подобными застыл среди облаков на неведомом косогоре, пускай в реальной жизни ходишь по городу в модной куртке и приятельствуешь с либералами. Своих героев он извлекал из тех же душевных недр, из каких брались когда-то чаплинские бродяги, только наделял их другой типичностью. Отчего эти близнецы-братья так сиротливо жмутся друг к другу и одновременно чуждаются? Зачем носят часы на руках, если время остановилось? Почему с таким удовольствием оскверняют пейзаж, к которому льнут всем сердцем? И т.п. Стоит заметить, художник не только не отвечает на вопросы, но даже их не ставит. Ибо вопросы ставятся на собраниях, которые сами собой образуют сектор «порочного круга». Басыров же просто рисует. Вернее, рисовал.

Он скончался в минувшем феврале от сердечного приступа. В одночасье, совершенно внезапно, за день до своего 60-летия. Даже тех, кто поколенчески попризвык к поездкам на кладбища, это известие ошеломило, потому что представить похороны Гарика Басырова было сложнее, чем свои собственные. Он казался не то чтобы вечным, но очень прочным, сцепленным с жизнью невероятным количеством связей. Вероятно, шокотерапевтическая реакция способствовала тому, что Третьяковка необычайно оперативно отозвалась на смерть художника мемориальной экспозицией. Вынули все, что лежало в запасниках (Басырова в

музее любили, хотя он никогда не набивался), добавили кое-что из семейного архива. Получилось отнюдь не исчерпывающее. Может, со временем удастся собрать воедино феерическую позднесоветскую сагу, а пока предложен поминальный дайджест.

Примечательно, что с распадом СССР Басыров резко оборвал свои аналитические фигуративные серии. То ли устал, то ли посчитал их завершенными, то ли нацелился на другие рубежи. Выставка включает и образцы мэйл-арта (искусства по почте), и абстрактные коллажи, и пространственные композиции из цикла «Инкубусы». В этом он тоже профи, не хуже остальных, однако главными все-таки кажутся его классические циклы — «Обитаемые пейзажи», «Горожане за городом», «Ветер», «Диалоги». Здесь так много важной информации о нас, вчерашних и сегодняшних, что невольно злишься, когда серия обрывается за недостатком места и некомплектностью. Хочется дальше, дальше, дальше — как у полузабытого Михаила Шатрова. Сам Басыров, будь он жив, интерес к своим давним работам подогревать бы не стал, но после настоятельной просьбы наверняка достал еще что-нибудь из записника. Его полуподвальная мастерская на Сивцевом Вражке всегда содержалась в строгом, почти аскетичном порядке — никаких нагромождений и россыпей, намекающих на артистичность натуры и творческий непокой. Такая-то серия такого-то года? Да, вот здесь, в этой палке... Есть шанс, что придет еще время полноты понимания и ясной классификации.